

Вячеслав Нарский

Челяпин Алексей Иванович
(записано с его слов)

Эта героическая история настоящего нашего воина-освободителя была записана волонтером проекта со слов ее героя, Алексея Ивановича Челяпина (03.09.1926–20.03.2017), незадолго до его смерти.

Я родился 3 сентября 1926 года в поселке Глазок Мичуринского района Тамбовской области. В 1934 году пошел в первый класс и до войны успел окончить семилетку.

В нашем поселке на столбе был большой репродуктор. Помню, как 22 июня 1941 года в полдень все, и стар и млад, побежали к нему слушать выступление Молотова. Он говорил о том, что на нашу страну вероломно напали немцы, а также о том, что наше дело правое, и мы победим.

Начался призыв. Вначале призывали всех ребят 1923–1925 годов рождения. Отправляли в сельсовет, и там начинались прощания: кто плачет, кто на гармошке играет. Позже призывников перевозили в Мичуринск, оттуда их отправляли по эшелонам, они принимали присягу, а затем — на фронт.

В нашем поселке, в нашем районе формировались войска, которые отправляли под Москву. Меня и других ребят 1926 года рождения призвали не в 1943 году, как всех, а осенью 1942 года, потому что Воронеж уже заняли немцы, Котовск и Мичуринск бомбили. Наше руководство, районный военкомат, боялись, что немцы пойдут в наступление, и мы попадем в плен. Поэтому нас и призвали раньше.

Таким образом, воевать я начал в семнадцать лет. Призывников переправили эшелонами в Пензенскую область на станцию Чаадаевка. Мы получили обмундирование, приняли присягу и были направлены в Марийскую АССР на станцию Суслонгер для прохождения курса молодого бойца. Там мы отработывали действия по командам: «Танки справа! Укры-

тие слева!» Учились стрелять по мишеням. В общем, готовились к военным действиям.

В начале мая 1943 года нам выдали летнее обмундирование и отправили на Курскую дугу. Ехали ночью, а днем эшелон останавливался, чтобы наши перемещения не заметил противник. Когда мы прибыли на Курскую дугу, на станцию Малоархангельск, всех высадили из вагонов и повели в лес, где происходило распределение.

Я попал автоматчиком на Центральный фронт в отдельную автоматную роту 800-го стрелкового полка 143-й стрелковой дивизии 13-й армии. Так началась моя военная жизнь. 143-я стрелковая дивизия была разбита и потрепана в боях, и нас ввели в качестве пополнения. В самих боях на Курской дуге мы не участвовали. У нас продолжались обыкновенные тренировки, какие были на курсе молодого бойца. Также мы охраняли наблюдательные пункты (НП) и контрольно-пропускные пункты (КПП).

После Курской дуги нашу дивизию перенаправили в наступление на город Конотоп, что на Украине. Мы наступали в сентябре. Наша дивизия наступала правее вокзала, а 132-я стрелковая дивизия — со стороны вокзала. При освобождении города нам, как всегда и везде, помогали артиллерия, авиация и танки.

Когда мы освободили Конотоп, все местные жители вышли нас встречать: кто из подвалов, кто откуда. За эти бои нашей 143-й стрелковой дивизии присвоили звание Конотопской.

Затем мы двинулись на село Страхолесье правее Киева. Продвигались с сильными боями, вышли к реке Днепр. С ходу форсировать Днепр нам не удалось: немецкий берег Днепра находился выше. Немцы пользовались этим преимуществом и ожесточенно сопротивлялись. Потом мы подтянули все силы, навели переправы и понтонные мосты.

Нас, автоматчиков, учили переправляться по команде: «Правой — табань¹, левой — греби». Или наоборот: «Левой — табань, правой — греби».

Когда подтянулись все силы, наши войска провели артподготовку, а потом запустили красную ракету, и мы по сигналу пошли форсировать Днепр.

Форсировали — кто как мог. Крови там было больше, чем воды! С большими потерями мы переправились на другой берег и двинулись дальше.

22 сентября освободили город Чернобыль, затем — поселок Иванков и город Малин, а 17 ноября — город Коростень, за что нашей дивизии было присвоено второе почетное наименование — Коростеньская. Бои были сильными, немцы ожесточенно сопротивлялись. Из наших — кому

¹ Держи (прим. автора).

какая судьба выпала: кто-то погиб, кого-то ранило, но я кое-как уцелел. Когда освободили город, там все горело.

К январю 1944 года мы вытеснили противника из села Белокоровичи, города Олевска, поселка Ракитное. Потом отбили Сарны, за что наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Преодолев речки Случь и Стир, к началу лета освободили Рафаловку и Маневичи.

В начале марта 143-ю дивизию перевели на Белорусский фронт в 47-ю армию. Нам было приказано наступать на Ковель на Западной Украине, к которому немцы подтянули тяжелую технику. Местность там была низкая, поэтому наступали короткими перебежками.

В Ковеле мы остановились: наступать было невозможно. Немцы уже ждали нас, подтянули дополнительные силы из Чехословакии и Венгрии. Они готовились к решающей битве, так как понимали, что дальше — уже территория Польши. Прежде чем идти в наступление, нам, автоматчикам и разведчикам, дали задание: провести разведку боем. Мы сдали секретарю партийной организации военные и комсомольские билеты. Командир саперной роты доложил, что путь свободен, и мы ночью по-пластунски поползли на разведку...

Задание мы выполнили и выбили немцев из передней линии окопов. Подтянулись наши силы, провели артподготовку — в основном «Катюши» применялись. Бои продолжались более двадцати дней, и все горело. Но к утру 6 июля мы освободили этот город. За него я получил Благодарность Сталина.

Сейчас везде говорят о жарких боях на Курской дуге. Но и Ковель немцы очень сильно укрепили танковыми соединениями, поэтому те бои дались нам тяжело. Но мы все-таки освободили Ковель и продолжили наступление в сторону реки Западный Буг. 21 июля форсировали эту речку, а дальше — Польша...

За выполнение этого боевого задания мне также вручили Благодарность Сталина.

Мы подошли к польской границе. Наступать было тяжело: начались холода. Нам выдали зимнее обмундирование. С большим трудом, с артиллерией и танками, мы подступали к Праге, предместью Варшавы. Подойдя к предместью, выслали роту автоматчиков и взвод разведки, чтобы освободить этот город. Дом за домом, станция за станцией мы выбивали оттуда немцев, пока не вышли на берег Вислы.

За боевые действия в Праге и выполнение боевых заданий меня наградили третьей Благодарностью Сталина и медалью «За отвагу».

Вышли на берег. В подвалах окрестных домов располагались наши боевые места. Нам объявили приказ — сейчас уже можно об этом говорить: нужно ночью форсировать Вислу. И еще сказали, что, если мы это сделаем

и на другой стороне Варшавы поставим знамя, нам сразу присвоят звания Героев Советского Союза.

Мы ждали приказа, так как форсирование назначили на ближайшую ночь. Правда, основные силы и техника еще не подошли, были только рота автоматчиков, человек пятнадцать, и взвод разведки. Но, несмотря на это, мы подготовились, и только и ждали приказа...

Наступил рассвет, а приказа все не было. Странно!

Вдруг ко мне подошел командир полка Коломийченко и сказал: «Старший сержант, поляки будут сами освобождать свою столицу». И нас отозвали обратно. Наши подвалы на берегу Вислы заняли польские войска. Было известно, что в Варшаве готовилось восстание, во время которого поляки должны были перейти в наступление и освободить свою столицу. А нас переправили в лес, находившийся правее Варшавы.

Варшавское восстание немцы жестоко подавили. Когда уже мы освободили Варшаву, просто невозможно было смотреть на последствия их расправы с восставшими.

Окончательное наступление на Варшаву назначили на середину декабря. Я был командиром взвода. Мы заняли свои позиции и ждали сигнала к атаке. Вначале провели артподготовку — настолько мощную, что земля дрожала! А потом запустили красную ракету. У каждого командира в каждой роте имелся ракетчик.

В первый раз мы Вислу не форсировали, а вышли на берег и затаились в камышах. Мы наступали со стороны железнодорожного моста. На второй день снова провели артподготовку, но уже меньшей мощности. Вновь запустили красные ракеты. Затем командиры скомандовали: «Встать! Пехота, вперед!»

И мы пошли в наступление. С боями и большими трудностями все-таки форсировали Вислу. Выбили немцев вначале из первой траншеи, затем из второй. Они стали отступать в небольшой лес, находящийся неподалеку. Мы заняли немецкие траншеи и оттуда увидели, как подтянулась наша авиация, и как по железнодорожному мосту пошли танки.

Мы так обрадовались — невозможно представить! Кричали: «Танки пошли! Авиация пошла!» При танках также были роты автоматчиков. Когда они все вступили в действие, пехоте дали приказ остановиться. А к нам пришли командир и писарь, который стал записывать имена тех, кого представят к награде. Мне сказали, что меня представят к ордену Красной Звезды.

Мы остановились на ночь, передохнули, привели себя в порядок, а потом вновь пошли в наступление — и освободили Варшаву!

По ту сторону польской границы уже была совсем другая жизнь. Поляки очень, я бы сказал, разнообразны. С ними надо уметь находить общий

язык. Вот, например, объявляешь комендантский час, а они все равно занимаются грабежами. Им запрещаешь, а они продолжают. Мы приходили к ним в дома, беседовали. Нужно знать, как и о чем с ними разговаривать.

Мы продолжали наступать, но постоянно боялись, что нас убьют. А очень не хотелось, чтобы убили здесь: хотелось поглядеть Германию. Потери были очень большие, но в нашу дивизию постоянно присылали пополнение.

В Польше и Германии много сдавалось наших молодых ребят и девушек, которых немцы угнали к себе в рабство. Их отправляли в тыл, а что с ними происходило после, мне неизвестно. Наше дело было — наступать.

Хочу добавить, что автоматчик сильно и хорошо вооружен. Не думайте, что раз он — автоматчик, значит, у него есть автомат, и все. У автоматчика всегда при себе ППШ (пистолет-пулемет Шпагина) с круглым диском на семьдесят два патрона (мы заряжали семьдесят один), из него можно стрелять и одиночными выстрелами, и очередями, короткими и длинными. Также у нас были противотанковые гранаты.

Наступление на Берлин продолжалось. Немцы очень сильно сопротивлялись, защищая свою столицу — Гитлер даже подростков призвал. Наша дивизия уже подошла к немецкой границе, где немцы специально сделали замороженные рвы, чтобы нам было скользко. Но мы преодолели и это препятствие: опрокинули танк, и через танк перебрались.

Мы прошли Кюстринский плацдарм и вышли к Зееловским высотам. Наступать было невозможно. Только поднимемся — начинался обстрел из всех видов техники: автоматов, пулеметов, тяжелой артиллерии.

Ко мне подошел командир полка Коломийченко и вызвал в лес, где размещалась ставка нашего командования. Помимо командира полка, там находились начальник разведки Борзиков и командир 3-го батальона.

Командир полка сказал мне: «Старший сержант, вы сами знаете, наступать практически невозможно. Надо идти в разведку, выяснить, где расположены огневые точки и штаб противника, и взять „языка“». Затем он подзадорил меня, пообещав, что, если я задание выполню, он снимет свой орден и отдаст его мне, а если меня убьют, то отошлет его моим родителям.

Мне поручили взять двух человек из роты и отправиться на задание. Помнится, я выбрал украинца Федю Терлецкого, как самого сильного, и еще одного парня, русского (его фамилию сейчас уже не вспомню). Все ушли, а мы втроем остались в лесу. Я объяснил товарищам суть задания. Мы подготовились, распределили обязанности: обговорили, кто берет «языка», кто за что отвечает, и стали ждать ночи.

Наступила ночь. Командир саперной части доложил, что нейтральную полосу они разминировали, так что для нас путь свободен, и ушел. Мы

перешли немецкие окопы, траншеи — и оказались в тылу врага. Засекали местонахождение немецких огневых точек, наносили их на карту, записывали. Выяснили местонахождение штаба противника. Оставалось последнее: захватить «языка».

Нам было известно, где находятся немецкие траншеи, а также то, что немцы перебегали из траншеи в траншею, от одного пулемета к другому. Мы заняли траншею противника, закопались и стали ждать. Немцы перебегали, а мы глядели, выбирая «языка». До того в азарт вошли, что кого попало брать не хотели — только офицера. В итоге и взяли! Когда вели его в свою воинскую часть, пришлось всю дорогу отстреливаться. Немцы, конечно, не могли не заметить захвата своего офицера.

После этого по полку объявили приказ: за выполнение боевого задания меня приказано наградить орденом Красного Знамени.

Потом началась усиленная артподготовка, подтянулись воинские части — и мы пошли на Берлин.

На Шпрее 10 апреля 1945 года (за месяц до Победы!) меня тяжело ранило в ногу и в голову. Лечился я в госпитале в Германии. Где меня ранило, там и лежал. Ухаживали за нами лечащие врачи, а нянечки были немками. Помню, скажешь нянечке: «Фрау, судно!», — а она, бедная, плачет. Еще бы! Она же думала, что немцы будут командовать всем миром, — а тут вдруг ей приходится ухаживать за нашими солдатами.

Из Германии меня направили в госпиталь в город Познань, что в Польше. Вначале мы этот город освобождали, а потом мне пришлось там лечиться. В этом госпитале за нами ухаживали молодые полячки.

В Познани я и встретил День Победы — не довелось отметить его в Берлине! Помню, местные жители нам принесли что-то поесть, кто что мог — у некоторых вообще ничего не было. Но все равно старались нас не обижать, проявляли заботу. Потом меня загипсовали и эшеленом отправили долечиваться в город Тростянец Сумской области. Сейчас в здании, где я лежал, находится школа №1, а тогда размещался эвакогоспиталь №1047.

Война закончилась, меня вылечили. Когда капитан меня спросил: «Старший сержант, куда вас демобилизовать?», — я подумал: «В Марийской АССР был, в Польше и Германии — тоже, а теперь хочется столицу своей родины поглядеть». И попросился в Москву.

И демобилизовали меня, с учетом всех заслуг, туда, куда я хотел. Направили в Москворецкий райвоенкомат, Москворецкий райсобес, поселок ЗИЛ, дом 1-А. Там и началась моя гражданская, мирная жизнь.